

Е.К. Сычова

ЯЗЫКОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ А. АВРУТИНА

Автор художественного произведения творит свой особый мир, выражая собственное представление о действительности [1, с. 24]. Воплощается художественная действительность в виде универсальных форм – концептов – "основных ячеек культуры в ментальном мире человека" [2, с. 41]. Концепты же, в свою очередь, отражаются в языке произведений.

В поэтических произведениях тип видения мира близок к мифологическому, однако эта близость в разной степени проявляется в стихах в зависимости от содержания произведения. Поэзия А. Аврутина в этом смысле претерпевает эволюцию от стихов о любви, о природе, о детстве и т. п. – до стихов символического содержания. Можно утверждать, что мир лирического героя поэтических произведений А. Аврутина XXI века символичен и условен.

Особенность мировосприятия лирического героя выражена формулой: *И вдыхаю молчанье, / и чувствую вкус голосов* (Авр., с. 59). Действительно,

поэтические образы сочетают в себе цвет и звук, звук и пространство, ощущение и звук, цвет и ощущение и т. п.: *Все было печально и нemo...* (Авр., с. 26); *Только бледная стылость зеркал...* (Авр., с. 32); *Тоской исполнен / Свет над роццей поутру...* (Авр., с. 49). А. Андреев называет это явление "сопряжением противоречий" [3, с. 7], хотя, на наш взгляд, правильнее было бы говорить о слитности, синкретизме образов, где звук и цвет, ощущение и свет не противопоставляются, а усиливают друг друга.

"Поверуй... Вспомни... Усомнись...", – пишет поэт (Авр., с. 131). Что стоит за этими словами – "сопряжение противоречий"? Пожалуй, нет: поверуй, вспомни и потому усомнись. Почему же лирического героя обуревают сомнения? Взглянем на действительность его глазами: *Обо всем позабуду... Молчанье / Пусть мои замыкает уста. / Темен страх... / Бесполезны сказанья / Повседневность скудна и пуста. / Я оставлю греховному роду / Только шепот, сходящий на нет, / Только скудную эту природу. / Только этот рассеянный свет...* (Авр., с. 209).

В поэтических произведениях А. Аврутина воплощены древние противопоставления "Жизнь – Смерть", "Лето – Зима", "Тепло – Холод", "Свет – Тьма". По утверждению А.Н. Афанасьева, "борьба Жизни и Смерти, Лета и Зимы, Дня и Ночи совершенно тождественны по значению..." [3, с. 28], так как у первобытных племен годичный цикл составляли два времени года, противопоставленных друг другу, – лето и зима, тогда же сложилось убеждение, что мрак и холод враждебны свету и теплу.

Оппозиция "Жизнь – Смерть" представлена рядом лексем, в котором преобладает выражение значения смерти, уничтожения (сущ. *жизнь, буйство (листвы), прил. зеленые (клены), глаг. жить*; сущ. *бренность, прах, тленье, тлен*, прилагат. *кладбищенский, мертворожденное, желтый (лист)*, глаг. *умер, уйдет, придушит*, фр. *сходит на нет*). Ср.: *Едва лишь петлею заката / Багровый придушит лесок...* (Авр., с. 40). *Умер вечер... Ночь не родилась.* (Авр., с. 51). При этом *зеленый* и *желтый* цвета противопоставлены как символы жизни, расцвета и умирания в природе.

Лексемы, включающие сему 'жизнь', либо связаны с прошлым лирического героя, либо это ложное представление о действительности: *Вспомнят души, что клены шумели и были зелеными* (Авр., с. 55); *И несчастый снежок принимаем за буйную вьюгу / И за буйство листвы – / желтый лист, что поник и обмяк* (Авр., с. 60).

Вся жизнь лирического героя-поэта пронизана страданием, только это дает ему право на пророчество: *Все те слова, что бормочу и внемлю, / Стократно отразились от небес. / Они теперь – единый сгусток боли, / А если боль окажется права, Мои слова потомок проглаголит, / Как я глаголю пращуре слова* (Авр., с. 28). Страдание разлито во всем: в живом и неживом,

в природе и в душе человека. Передается страдание через метафору болезни, которая раскрывается через болезненные ощущения, состояния, симптомы и даже названия болезней.

Болезненные ощущения	Болезненные состояния	Симптомы	Названия
Сущ. <i>боль, страдание</i> Прич. <i>саднящий</i>	Сущ. <i>обморок</i> Прил. <i>больная, чахлый</i> Глаг. <i>стонал, терзался</i> Прич. <i>изнеможенный, истерзаный, измученные</i>	Сущ. <i>озноб</i> Глаг. <i>знобит, изъязвляет</i> Словосочет. <i>с перебитой рукой, нытье костей, мешает дышать</i>	Сущ. <i>проказа</i> Прил. <i>склерозный, гриппозный, туберкулезный, малокровный, простуженный</i> Нареч. <i>радикулитно</i>

Ср: *В ночи радикулитно стонут липы* (Авр., с. 43); *Худую лодчонку знобит у причала* (Авр., с. 39); *Тревогами истерзанное тело / Нытьем костей встречает вечера* (Авр., с. 44).

Сродни болезни **ущербность**, которая может быть следствием первой, но иногда вызывается и другими причинами. Семантическое поле ущербности представлено сущ. *ущербность, убогость*, прил. *сутулый, хромой, неказистый, горбатый*, прич. *сгорбленный, сломанный, расплющенный, обовранный, примятый, изломан, полузамученный*: ...*Превыше презренья / Лишь смерть да хромая трава* (Авр., с. 90); *Мир изломан...* (Авр., с. 72).

Страдание вызывается и **запустением**, которое царит в окружающем мире. Сема 'запустение' отмечается в лексемах: сущ. *запустение, неряшливость, грязь, плесень, слизь*, прил. *жалкий, облезлый, заскорузлый*: *Заскорузлый пейзаж. Захолустье* (Авр., с. 41).

Оппозиция "**Тепло – Холод**" представлена преимущественно вторым членом, значение которого передается через обозначение ощущений живых существ (кат. сост. *зябко*, прил. *холодный*, гл. *дрожат*, прич. *озяблый, остылый, стынущий*), состояний природы (сущ. *стынь, стылость, холода*), природных реалий (сущ. *сугроб, наледь*). Ср.: *И туманного цвета проклятье / Отзывается в стылой душе* (Авр., с. 32).

В стихах А. Аврутина представлены оба члена оппозиции "**Свет – Тьма**", при этом изображение тьмы и переходных явлений более частотно (сущ. *свет, отблеск, мерцанье, сиянье, зарницы, день*, кат. сост. *светло*; сущ. *сумерки, полусвет, полутьма, рассвет, закат*; сущ. *тьма, мгла, мрак, сумрак, ночь*, нареч. *впотмах*).

Значение существительного *тьма* может усиливаться эпитетами *беспросветная, извечная, вселенская*: *Лишь скользну в беспросветную тьму* (Авр., с. 61), значение слова *свет*, напротив, ослабляется эпитетом *рассеянный*.

Свет также часто представлен белым цветом, а тьма – черным. Красный цвет амбивалентен: красный, алый – цвет жизни, но у поэта он чаще сближается с черным. Цвета по-разному воспринимаются лирическим героем, наполняются разным смыслом в прошлом и настоящем: *Прежде белое алого, / Нынче алое черно* (Авр., с. 208). Цвета теряют определенность, становятся гуманными, бледными: *И туманного цвета проклятье...* (Авр., с. 32).

Годичный цикл представлен четырьмя временами года, однако преобладает изображение осени и зимы. Лето часто кажется лирическому герою нереальным: *Рассказни про лето / Все равно забуду к сентябрю* (Авр., с. 68).

Частью мира лирического героя являются звуки. Символом радости и гармонии становится музыка, звон, в то время как скрип, скрежет, крик, рыдание разрушают гармонию и выражают страдание: *И в зеленые звоны / Ночная окрасится даль...* (Авр., с. 50); *И все чудится – с хлипами-скрипами / По стремнине судьбу понесло* (Авр., с. 102). Однако и эти звуки смолкают, переходят в шепот, а затем в тишину, которая часто предстает как молчание или немота: *И тишина закончилась молчаньем* (Авр., с. 22).

Диапазон чувств лирического героя представлен рядом лексем *безрадостно, тягостно, тяжело, тревожный, смятенный, печаль, тоска, жуть, ужас, печаль вековая, тоска мировая, вселенская жуть, вселенский ужас: Тягостно... Предсентябрево, / Преднепогодно в душе* (Авр., с. 110). Чувства эти вызваны одиночеством, пустотой вокруг и неопределенностью и неустойчивостью окружающего времени и пространства. Ср.: *И снова в душе твоей нет ни души* (Авр., с. 39); *Постель пуста и даль пуста* (Авр., с. 86); *А мокрые дома бесформенны и шатки* (Авр., с. 21). Неопределенность выражается рядом неопределенных местоимений, союзами *ни-ни*, отрицательной приставкой или частицей *не*, вопросительными конструкциями: *Илишь в душе какой-то отголосок, / Какие-то туманные черты...* (Авр., с. 44); *Опять ни суток, ни времен...* (Авр., с. 112); *Не тропа, не стезжка, не дорога, / Не большак и точно не стезя...* (Авр., с. 75). В последнем примере неопределенность подкрепляется синонимическим рядом, ни один из членов которого не может выразить того, что видит лирический герой. Ср. также: *Одинок. Тихо. Пусто. / Кто там? Человек?* (Авр., с. 237). И очень редко он испытывает иные чувства: *И в небе – дух, и в сердце – благодать...* (Авр., с. 132).

Символическим образом, воплощающим переживания лирического героя, становится *листок – малокровный, взбесившийся, оборванный, шершавый, чахлый: Тот же чахлый листочек / беспомощно рвется из рук...* (Авр., с. 60).

А. Андреев пишет о "двоакости" аврутинского взгляда на мир, видит в ней инструмент гармонии [3, с. 15], однако с этим нельзя согласиться

полностью. Если и говорить о гармонии, то это гармония страдания и безысходности, где "двойкость" создает круг, из которого невозможно вырваться: *Все бредем и бредем / по тому бесконечному кругу, / Где в шажок обращается / прежний уверенный шаг, / И несчастный снежок принимаем за буйную вьюгу / И за буйство листвы – / желтый лист, что поник и обмяк. (...) И, глухи ко всему, / мы себя в сыновьях продолжаем, / А они продолжают / все тот же бессмысленный круг* (Авр., с. 60).

Сокращения

Авр. – *Аврутин, А.* Наедине с молчанием: книга поэзии / А. Аврутин; предисл. А. Андреева. – Минск: Мастацкая літаратура, 2007. – 303 с.

Литература

1. *Поляков, М.Я.* Вопросы поэтики и художественной семантики / М.Я. Поляков. – М.: Советский писатель, 1986. – 478 с.
2. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
3. *Андреев, А.* Осколки целого... поэзия... гармония / А. Андреев // Аврутин А. Наедине с молчанием: книга поэзии / А. Аврутин; предисл. А. Андреева. – Минск: Мастацкая літаратура, 2007. – С. 5–16.
4. *Афанасьев, А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 3. – 416 с.